

Командировка

ОТ РЕДАКЦИИ «ММ»: три года проработал в Нигерии ветеран ПАО «ММК» Юрий Варакин. Он прошёл на комбинате путь от подручного кузнеца до начальника кузнечно-прессового цеха, заслуженный рационализатор РСФСР, награждён медалью «За трудовую доблесть». К своему 85-летию написал книгу о работе на градообразующем предприятии. А сейчас, на 87-м году жизни, поделился с «ММ» воспоминаниями об Африке.

Страна перевернутого ковша

В конце восьмидесятых годов работники ММК помогли налаживать промышленное производство в Нигерии

С тех пор прошло тридцать лет. Износилась одежда, купленная на рынках Африки. Заработанные деньги испарились в лихие девяностые годы. Гордость советского человека – машину «Волга» – недавно продал. А вот воспоминания и фото остались.

«Облик морале...»

Столицей Нигерии тогда был Лагос. Прилетели туда ночью. В аэропорту больше всего запомнились местные грузчики с тележками, на которые складывали чемоданы целыми пирамидами, высотой метра в два-три. При движении эта пирамида опасно качалась, но, как ни странно, не падала. В город поехали на автобусе под охраной нигерийского солдата с автоматом. Через двадцать минут остановились около освещённого прожекторами домика, из которого вышли вооружённые люди – страна находилась на военном положении. Дорога была перекрыта лентой с шипами: не проехать. Это казалось странным. Ведь в Советском Союзе для остановки машины было достаточно поднятого милицейского жезла. После коротких переговоров автобус пропустили. Ночевали в Лагосе, затем поехали в Аджакуту.

По дороге водитель и переводчики решили зайти в кафе. А командировочным пришлось есть то, что взяли с собой: рубли там не принимали. Воздух был тяжёлым, влажным. Почти все страдали от жары, но у нас в цехе такое бывало летом. Так что для меня это оказалось вполне обычным. Вход в кафе был задёрнут лёгкой занавеской. Оттуда доносился весёлый смех. Рядом стояли две молоденькие, довольно симпатичные чёрные женщины и ждали: не позовут ли к столу, а потом и внутрь кафе в отдельную комнатку. Но рейс был неудачный: советский, с высокоморальными мужчинами и с теми, кто наблюдал за моралью.

Чуть в стороне сидели прямо на земле пожилые негрятки: торговали фруктами. При виде меня женщины оживились. Стали показывать на свой товар, что-то говорить на английском. Я в школе и в институте учил немецкий, но оценить их товар смог. Особенно восхитили бананы, королевские, тёмно-коричневого цвета. Ветвь с ними напоминает люстру или рога оленя. Перед нашим приездом прошёл дождь, и у входа в кафе не испарилась ещё лужа. На её берегу присел маленький, совсем голый чёрный мальчик и начал пить. Потом к нему присоединился козлёнок. Местные жители воспринимали это как норму.

Инструкции и холодильники

Тогда на стройке в Аджакуте одновременно работали несколько тысяч

советских специалистов. Строили металлургический завод. Жили в нескольких одноэтажных посёлках, расположенных друг от друга на приличных расстояниях. Из этих посёлков и состоял город. Причём один из них назывался Черёмушки, как в Москве.

Местные мужчины очень ловкие, быстрые и довольно хорошо осваивали разные механизмы, были хорошими водителями, машинистами кранов. Но приучить их выполнять инструкции и правила оказалось довольно сложно. Например, могли после работы не зафиксировать кран противоугольным устройством, чтобы он не сдвинулся в отсутствие машиниста. Однажды под напором ветра краны покатались и опрокинулись. Пришли люди утром, а краны лежат на земле. Привезли с собой лебёдки, быстро поставили краны на рельсы, отремонтировали.

Ещё хуже дело обстояло с бумагами. Нигерийские партнёры не понимали, зачем, уходя с работы, закрывать окна конторских помещений, а утром открывать. И, конечно, как-то на столах не оказалось ни одного документа. И рядом с конторами тоже. У нас такого быть не могло. Уходя с работы, я всё закрывал в стальной сейф, чтобы ни ветер, ни местные жители не могли ничего унести.

Конфликтов между местными жителями и приезжими не было, вели они себя очень доброжелательно, тем не менее нам не советовали ходить в места компактного проживания нигерийцев. Мы не послушались, хотелось посмотреть. Дома там оказались такие же, но жители смотрели настороженно. А когда мы стали уходить, то за нами побежали нигерийские ребятишки, которые кричали вслед: «Макаки, макаки!»

Каждую ночь один-два домика советских специалистов грабили. Организованные группы ночью снимали на кухонном окне решётку, выставляли рамы со стёклами и выносили холодильник с содержимым или обувь. Кондиционеры тогда были очень шумные, и спящие не слышали, что делается на кухне. Через несколько дней домоуправление привозило другой холодильник, а вот идти на работу было не в чем – если резервные туфли не припрятаны в спальне. Умельцы нашего цеха придумали для решёток на окнах болты, которые после установки открутить было невозможно. Поставили их и стали спать спокойно.

Храматан и баобабы

Многое в Африке было не так, как у нас. Удивила темнота в семь часов вечера. Оказалось, что сумерек там не бывает. В семь утра солнце всходит и сразу наступает день. В семь вечера быстро садится и сразу – тьма. Луна в Нигерии перевернута, похожа на лодку.

На 180 градусов перевернуто и созвездие Большой Медведицы. У нас в ковше яркого созвездия мысленно можно налить воду, а здесь её выплёскивают.

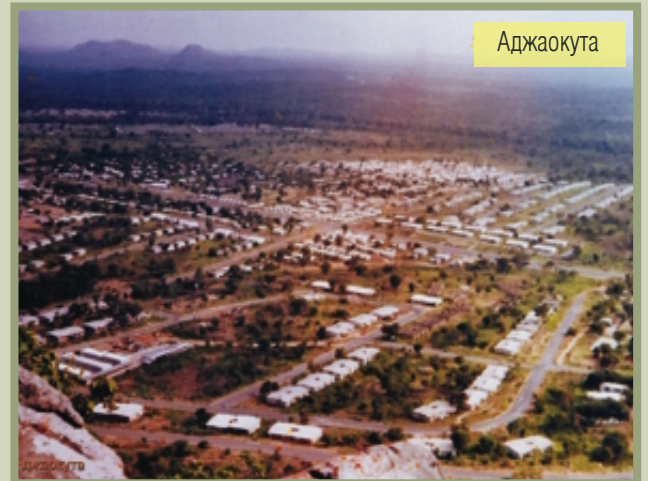
Наш приезд совпал с началом нигерийского лета – это середина июня, 40 градусов тепла, дышать нечем. Но через несколько дней на небе появилась тёмная, зловещая туча. Она разразилась не просто дождём. Такого на Урале не бывает. Струи воды падали не сверху вниз, как у нас, а летели параллельно земле: их нёс ураганный ветер. Из-за шума дождя гром почти не слышался. На улице ни души: ни наших, ни местных. Зонтики здесь не могли помочь. Был только один способ спасения – бегом под крышу. И дверь, чтоб не сорвало, на задвижку! Был уверен, что бешеные порывы ветра свалят деревья, но утром они стояли чистенькие, умытые. Потом был сезон дождей и снова жара. Все с нетерпением ждали нигерийской зимы. Она пришла с северным ветром «храматан», принесшим из пустыни Сахары мелкую пыль, которая частично задерживала солнечные лучи. Похолодало. Столбик термометра порою падал до плюс 18 градусов. Пришлось под рубашку надеть майку. На местных жителей было жалко смотреть: они кутались кто во что горазд. На головах многих красовались наши зимние шапки. Некоторые надевали женские оренбургские платки. Часам к десяти тепле до тридцати. Потом северные ветры утихли, пыль осела. На безоблачном небе вновь воцарилось безжалостное африканское солнце, жить под которым очень утомительно.

Аджакута расположена в нескольких километрах от крупнейшей реки Африки – Нигера. На её берегу, рядом с заводом, росло несколько баобабов. У одного диаметр ствола был раза в полтора больше длины нашего «жигуля». Советские специалисты ездили к нему фотографироваться. Основная часть саванны покрыта колючими кустарниками и непролазной травой высотой метра в три. Раздвинуть руками её невозможно, только прорубать мачете или иметь такую комплекцию, как у слона. Многие передвигаются именно по дорогам, сделанным слонами.

Около нашего дома росли папайи. С нетерпением ждали, когда на них созреют плоды. Но в один прекрасный день, вернувшись с работы, обнаружили их. Босоногие негрятские мальчишки, подтягиваясь на руках, упираясь коленками и подошвами в гладкие, без единого сучка стволы, забрались почти на десятиметровую высоту и поспешили все плоды. Разыскивать воришек было абсолютно бессмысленно. Пошли покупать папайю на рынок.

Юрий Варакин

Продолжение следует

Баобаб. Диаметр его ствола был раза в полтора больше длины нашего «жигуля». Советские специалисты ездили к нему фотографироваться